

**АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ**

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

**ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ
ОТСТРЕЛА НЕГОДЯКОВ**

Абсолютное оружие

Василий Головачев

**Ликвидация последствий
отстрела негодяев**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Ликвидация последствий отстрела негодяев / В. В. Головачев —
«Эксмо», 2020 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-108271-0

Операция по устранению президента России провалена. Даже случайность сыграла против тех, кто решил во что бы то ни стало заменить пусть и не идеальный порядок в стране хаосом и революционной бойней. Но кукловоды из Бильдербергского клуба не отступают, задействуя резервный план и своих ставленников в верхних эшелонах власти. Группа особого назначения майора Барсова расформирована, сам он отправлен в отставку, и, судя по всему, принято решение ликвидировать упрямого майора и его неугомонных соратников. Им остается одно – начать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108271-0

© Головачев В. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Композиция 1. Contra	6
Композиция 2. Адреналин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Головачёв
Ликвидация последствий
отстрела негодяев

© Головачёв В. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Композиция 1. Contra

Россия. Европа

Вертолёт приземлился прямо в центре усадьбы, принадлежавшей командующему Национальной гвардией России генералу Лавецкому, на хорошо оборудованной площадке для приёма винтокрылых машин и беспилотников.

Сама усадьба располагалась в посёлке Озёрный, в двух километрах от знаменитой Жуковки, где предпочитали селиться миллионеры, бизнесмены, владельцы компаний, генералы армии и высокопоставленные чиновники. Поместье Лавецкого представляло собой комплекс строений на краю Озёрного, практически в лесу, окружённый трёхметровым забором. Всего на территории в два гектара стояли пять коттеджей и построек разного назначения, главным из которых был трёхэтажный особняк, не уступавший роскошным фасадом президентскому дворцу в Ново-Огарёво.

Юрий Филиппович отметил это для себя, шагая от вертолёта к особняку в сопровождении четырёх телохранителей и задёргивая «молнию» куртки: несмотря на то что конец июня в этом году случился довольно жарким (температура воздуха днём поднималась до двадцати восьми градусов), по ночам было холодно, а сейчас шёл третий час ночи.

У главного входа в коттедж президента ожидали несколько человек в камуфляже и без, в том числе полковник Гаранин, командующий силами специального назначения (ССО) Росгвардии.

– Где он? – остановился Юрий Филиппович перед встречающими.

– Внутри, – глухо сказал Гаранин.

– Допросили?

– Он... мёртв, – после паузы ответил полковник. Добавил торопливо: – Дрался до последнего, уговорить сдаться мы его не смогли.

– Показывайте.

Встречающие расступились, и президента провели в холл здания, а потом в кабинет Лавецкого.

Кабинет был просторен и обставлен старинной мебелью, выглядевшей как настоящий антиквариат. В нём свободно разместились два кожаных дивана – чёрного и белого цвета, громадный стол из красного дерева с гнутыми ножками в форме медвежьих лап, шесть стульев, два кресла, спинки и сиденья которых были обтянуты материалом с красным ворсом, книжные шкафы, забитые рядами фолиантов с золотым и серебряным тиснением, и стеклянный шкаф с разными сувенирами.

На стене за столом висел портрет президента России, выполненный в виде старинной иконы. Только в отличие от оригинала, полысевшего в свои пятьдесят два года, изображённый на полотне Кондратов имел роскошную седую шевелюру.

Глянув на «себя», Юрий Филиппович невольно усмехнулся:

– У меня и в молодости таких волос не было.

Провожающие президента промолчали.

Лавецкий лежал на чёрном диване глыбой серого бетона. На лице генерала так и сохранилось выражение удивления. Его прикрыли простыней, из-под которой свешивалась окровавленная рука со скрюченными пальцами, доставая до пола.

– Как это произошло? – поинтересовался Юрий Филиппович, удовлетворившись осмотром тела.

Среди людей, набившихся в кабинет, прошло движение.

Гаранин поискал кого-то глазами:

– Майор...

Из-за спин собравшихся вышел крупногабаритный мужчина с волевым лицом и серыми стальными глазами. Представился:

– Майор Барсов, отряд ГОН...

– Я помню, – перебил его президент. – Почему не взяли генерала живым?

– Виноват, не получилось.

К Барсову присоединился ещё один высокий, под метр девяносто пять, мужчина такой же комплекции, но гораздо старше, с бритой головой и серо-голубыми глазами, в которых стыли сдержанная сила, уверенность в себе и предостережение. Он являл собой пример человека, отвечающего за свои слова. Про таких обычно говорят: лучше быть в числе их друзей. Лицо мужчины хранило следы драки.

– Калёнов, полковник ГРУ в отставке, – сказал он низким баритоном. – Это моя вина, Юрий Филиппович, я догнал генерала в подземном бункере, но не смог задержать мягко.

– Лавецкий – мастер боя, – проговорил Гаранин с угрюмым сожалением. – В молодости был чемпионом России и Европы по боям без правил.

Президент оценивающе оглядел фигуру Калёнова:

– Я так понимаю, вы тоже занимались каким-то видом единоборств? Иначе не справились бы?

– Всего лишь боевым самбо, – сдержанно повёл плечом бывший полковник.

– Всего лишь, – усмехнулся Юрий Филиппович. – Мой предшественник тоже занимался борьбой, имел дан по дзюдо и мог за себя постоять. А я вот только в футбол бегаю. Ладно, потом расскажете подробнее, как всё было. Показывайте бункер.

– Опасно, Юрий Филиппович... – проговорил Гаранин.

– Показывайте.

Его повели в подвал.

Сопровождавшие – трое – остановились перед открытой металлической дверью толщиной в двадцать сантиметров. Первым в помещение за дверью вошёл Барсов, отодвинув мужчину в камуфляже. За ним шагнул телохранитель, затем президент, и все оказались в тесном помещении кубической формы с серыми бетонными стенами, одна из которых представляла собой вход в кабину лифта. Дверца лифта тоже была открыта. В остальных стенах на уровне груди человека виднелись отверстия диаметром в три сантиметра.

Президент понял, что это отверстия для стрельбы из пулемётов. Покачал головой, представляя, что здесь творится во время стрельбы.

– Лифт?

– Так точно, Юрий Филиппович. Бункер находится на глубине ста метров, – сказал Гаранин.

– Работает?

– Так точно.

– Поехали.

– Лифт рассчитан всего на четверых человек.

Президент глянул на одного из своих молодых рослых телохранителей.

– Саша, пойдёшь со мной.

– Кто ещё? – скупобронил скуластый здоровяк.

– Вы, – кивнул президент на Гаранина, – и вы. – Кивок на Барсова.

– Хорошо.

Четверо заняли кабину, дверцы закрылись, и она провалилась вниз с нарастающей скоростью, так что желудок президента устремился к горлу.

Заметив, как изменилось лицо подопечного, телохранитель подставил ему руку, но президент усилием воли справился с реакцией вестибулярного аппарата на падение кабины лифта вниз.

– Он не регулируется? – спросил Юрий Филиппович, имея в виду скорость движения кабины.

– Не разобрались, – виновато ответил Гаранин.

Через десять секунд кабина остановилась.

Первыми вышли командиры ГОН, за ними телохранитель Саша и последним Юрий Филиппович. Огляделся, подняв брови.

Перед взором президента предстала станция метро в миниатюре, только не облагороженная современным дизайном. Были видны каменные с виду неширокие дуги, заменявшие тубинги, которые и образовывали полукруглый потолок, переходивший в стены. Радиус получившегося помещения достигал пяти метров, длина около полусотни. Освещалась станция этого «метро» двумя вертикальными люминесцентами на одной из стен.

У перрона стоял один-единственный вагон длиной метров двадцать, без окон, выкрашенный в серый цвет и напоминавший не то подводную лодку, не то ракету без стабилизаторов. По центру вагона располагалась дверь, возле которой копошились у тележки с какими-то приборами и развёрнутым компьютером двое молодых людей в камуфляже. Увидев гостей, они выпрямились, встали по стойке «смирно».

Гаранин жестом показал им: отойдите.

– Что это? – проговорил Юрий Филиппович.

– Ветка секретного метро, – сказал Гаранин.

– Советских времён, что ли? Мне об этом ничего не известно.

– По нашим данным, тоннель создан ещё во времена войны Гипербореи и Атлантиды, то есть не менее десяти тысяч лет назад. Но сама станция оборудована недавно, после войны, предположительно в шестидесятых годах прошлого века. Вагон в рабочем состоянии, хотя на какой тяге движется, мы пока не понимаем. Но Лавецкий стремился именно сюда, явно собираясь бежать.

– Куда?

Гаранин и Барсов переглянулись:

– Есть предположения, что тоннель ведёт к владениям господ из Бильдербергского клуба в Брюсселе. Ваш советник Зеленов признался в наличии связи с ними.

Президент кивнул, признаваясь в душе, что доверял этому человеку настолько, что принимал все его советы и предложения, не проанализировав их со всех сторон. Для него известие о секретной связи генерала в отставке с масонскими структурами Запада оказалось откровением, и он долго не мог поверить в предательство Зеленова. Но и этого было мало. На стороне врагов оказался и командующий любимого детища – Национальной гвардии, что явилось не меньшим ударом для президента, не предполагавшего, что ближайшие помощники готовы, образно говоря, всадить нож в спину. И всё чаще приходило в голову название одного из криминальных зарубежных романов – «Кругом одни враги».

– Вы уверены, что этот тоннель ведёт... э-э... в Брюссель?

Гаранин ответил после паузы:

– Стопроцентной гарантии у нас нет... но показания Зеленова и Подвального, реакция Лавецкого и данные разведки во многом сходятся и не противоречат нашим предположениям. В правительстве и околоправительственных структурах окопались резиденты западных спецслужб, подчиняющихся напрямую так называемому «Комитету 300», точнее его подразделению, Бильдербергскому клубу. Мы даже знаем их главных деятелей.

– Вот как? – недоверчиво сказал президент. – И кто же это?

– Думаю, вы знаете всех. Советник премьера Великобритании лорд Лотингейл, зам главы ЦРУ полковник Эзра Хаус, магистр ордена «Череп и кости» Хасан Озокхан, глава Бильдербергского клуба Ульрих Ван-Янг и руководитель «Комитета 300» кардинал Доменико Пьяцци.

– Знаю, – пробормотал Юрий Филиппович.

– И над всеми этими господами стоит иная сила, олицетворяемая Маркусом Хансом-Адамом Фриком.

Президент удивлённо посмотрел на Гаранина.

– Министром иностранных дел Лихтенштейна?!

– Так точно, Юрий Филиппович. – Гаранин пожевал губами. – Не всегда большие посты занимают общественно значимые люди или олигархи. Есть подозрения, что этот господин, министр микрогосударства, не человек. Но об этом я хотел бы поговорить с вами отдельно.

Президент покачал головой, расстегнул «молнию» куртки, ослабил воротник рубашки.

– Не ожидал... сюрприз, однако.

– Хотите взглянуть на интерьер вагона изнутри? – предложил Барсов.

Юрий Филиппович прошёлся по перрону, убеждаясь, что его плиты сделаны из грубо обработанного камня, вероятнее всего базальта, хотел было проследовать внутрь вагона, но в этот момент из него выскочили двое мужчин в гражданских костюмах.

– Товарищ пол... – начал первый, лысоватый, седой, но умолк, увидев перед собой президента.

– Что у тебя? – осведомился Гаранин, сделав шаг навстречу.

– Похоже, вагон заминирован!

На мгновение все, кто находился на перроне, застыли.

Первым отреагировал на известие Барсов, подхватив президента под руку:

– Быстро отсюда, Юрий Филиппович!

Телохранитель опоздал на полсекунды, взяв президента под другой локоть.

– Уходим!

Президент сердито вырвался из рук мужчин:

– Я сам! Забудьте эти телячьи нежности!

Забрались в лифт вчетвером, оставив специалистов на станции.

– Ещё один взлет, – сказал президент. – Потеснимся.

Гаранин поманил гражданского с залысынами:

– Николай Сергеевич, залезай.

Дверцы кабины начали закрываться, и Гаранин крикнул:

– Мы вернём лифт, сразу выбирайтесь!

Кабина устремилась вверх, вдавив пассажиров в пол силой ускорения.

В бункере их ждали трое агентов президентской охраны и парни из команды полковника.

Объяснив им, что происходит, Гаранин отдал приказ всем покинуть особняк Лавецкого, кроме компьютерщиков и техников ССО. Повернулся к президенту:

– Как говорится, бережёного бог бережёт, Юрий Филиппович. Кто знает, какие сюрпризы приготовил генерал на случай провала. Лучше перестраховаться. Мы всё тщательно изучим и... – Полковник не договорил.

Из-под земли в подвал долетел могучий рык, пол содрогнулся, стены заходили ходуном, с потолка посыпались кусочки бетона и струйки пыли.

Телохранители бросились к патрону, закрывая его телами, хотя эта их реакция вряд ли могла спасти президента, если бы рухнул потолок.

– Все вон! – гаркнул Гаранин во весь голос.

Присутствующих буквально вымело из бункера: все понимали ситуацию и умели дисциплинированно откликаться на изменение обстановки. Остался только Барсов, крикнувший:

– Попробую опустить лифт!

Выбрались из подвала на первый этаж, где уже началась суeta бойцов ССО и технических специалистов, вызванная подземным взрывом. Что это был взрыв, не сомневался никто, а Юрий Филиппович вдруг подумал, что, останься он в бункере мини-метро ещё на минуту,

страна лишилась бы руководителя. С трудом удержал на языке ругательство, почувствовав, как по позвоночнику скатился ручеек пота.

– Запускай! – крикнул старший четвёрки телохранителей в наушник рации.

Пилоты услышали. Лопасты вертолётки сдвинулись с места, постепенно раскручиваясь.

Юрию Филипповичу помогли залезть в кабину новенького Ми-38, которым он пользовался для посещения объектов Московской области. Гаранин и его гвардейцы отступили к коттеджу, ожидая, когда вертолёт взлетит.

– Передайте ему, – повысил голос Юрий Филиппович, – я жду его утром с докладом.

Старший телохранитель выпрыгнул из кабины, ткнулся губами в ухо Гаранина и влез обратно.

Вертолёт оторвался от зелёной стартовой площадки.

– Куда? – спросил телохранитель. – Домой?

Он имел в виду подмосковную резиденцию.

– В Кремль, – буркнул Юрий Филиппович, прокручивая в памяти недавние события.

То, что взрыв в бункере под усадьбой Лавецкого совпал с его визитом, случайностью назвать было нельзя. Только везением можно было объяснить минутную фору, спасающую жизнь главе государства. Но при этом наверняка погибли сотрудники и бойцы группы спецназначения, и настроение президента тот факт, что он остался жив, улучшить не мог. В душе родился гнев, который не удалось нейтрализовать даже с помощью волевых усилий и травяного чая, по заверениям врачей успокаивающего нервную систему.

Приняв душ в блоке отдыха в своём рабочем кабинете на втором этаже Сенатского дворца, Юрий Филиппович вызвал начальника службы охраны.

Полковник Перекопов Нил Петрович появился в кабинете буквально через пять минут, будто его вызвали не в четвёртом часу ночи, а в рабочее время. Это означало, что он контролировал своих подчинённых, поднятых по тревоге, знал, куда направляется президент, и на всякий случай находился на рабочем месте в особом бункере под Кремлём.

Перекопов стал начальником охраны главы государства год назад, зарекомендовав себя службой в Росгвардии на посту начальника охраны её высшего командования. Уже через месяц после назначения Юрий Филиппович сделал его руководителем «Прикрытия» – секретной службы безопасности, состоящей из двух структурных подразделений: анализа социума и разработки стратегий – «Айтир», и группы активного реагирования «Оберег».

К счастью, советник президента Зеленов не входил в число командиров «Прикрытия» и сдать эту структуру спецслужбам Бильдербергского клуба не мог. Об этом Юрий Филиппович подумал с огромным облегчением, когда Гаранин сообщил ему о заговоре, ибо считал «Прикрытие» своим главным гарантом.

Перекопов никогда в жизни не занимался спортом в отличие от президента, получившего в молодости неплохую спортивную подготовку. Однако полковнику повезло с генами (как он шутил неоднократно), отчего выглядел он поджарым, стройным, сильным и в свои пятьдесят три (он был старше Юрия Филипповича на год) мог дать фору многим молодым спортсменам по части выносливости и скорости принятия решений. Говорил он мало, но веско, предпочитая обдумывать и взвешивать каждое своё слово, и Юрий Филиппович всегда с удовольствием выслушивал его советы и оценки того или иного события.

Лицо у Перекопова было типично славянское: широкоскулое, с носом-картошкой и добродушной складкой губ. В серо-прозрачных глазах полковника таилась хитринка и необычное для человека такой профессии тёплое сочувствие, будто он всем и каждому готов был немедленно оказать помощь и поддержку. Что, в общем-то, было правдой. Хотя начальником Нил Петрович был строгим и ошибки подчинённым не спускал.

Явился он к президенту в тёмно-серой куртке и таких же штанах с отутюженной складкой. Рубашки Перекопов предпочитал без ворота, но в эту ночь двадцать третьего июня на нём была синего цвета сорочка со стоячим воротником.

– Присаживайтесь, Нил Петрович, – кивнул на стулья президент. – Чаю хотите? Кофе, сок?

– Благодарю, только что выпил чашку чая, – басовитым голосом отказался Перекопов. Сел, прямой и ощутимо уравновешенный.

– Что скажете?

Глава «Прикрытия», о существовании и деятельности которого знали всего четыре человека в России, помедлил.

– Мы под контролем.

Президент налил себе гранатового сока, сделал глоток, сказал с горестным недоумением:

– Но это же кошмар, а?! С меня словно содрали скальп и залезли ко мне в голову! Сразу два человека, которым я безусловно доверял, оказались предателями! Работали не просто на западные спецслужбы, а на масонскую структуру! На Бильдербергский клуб! Куда идти, с кем работать? Кому доверять?!

– Мне, – без улыбки ответил Перекопов.

Юрий Филиппович мотнул головой, допил сок, расслабился.

– Я уже себе перестаю верить. Утром у меня будет Гаранин, командир бригады спецназначения Росгвардии, узнаем подробности. Он готовил группу для рейда в Лихтенштейн. Но по тоннелю нам теперь туда не добраться, он взорван, Лавецкий подстраховался и каким-то образом ухитрился взорвать подземную станцию.

– Я бы не стал опираться на службы Росгвардии.

– Но именно они раскрыли заговор.

– В этом деле много неясного, а Гаранин вообще был близок Лавецкому.

– Что предлагаете?

– Отправить всех причастных к этому делу в отставку и передать все материалы нашей структуре.

– Не федералам?

– Федералы будут знать столько, сколько необходимо.

– Что у нас есть помимо этого? Я имею в виду информацию.

Перекопов ушёл мыслью в себя, но не надолго.

– Конкуренты за границей пошли ва-банк. Их цель – тихий переворот в России под эгидой возвращения страны в лоно «истинной демократии». А не получится тихий – можно и громко грохнуть президента, чтобы посадить своего ставленника.

Юрий Филиппович поморщился:

– Общие слова.

– Почему общие? У нас полно центров влияния забугорных мессий, и к ним постоянно прибавляются новые, причём созданные либералами. Все, кто разваливал страну при Ельцине, остались у власти. К примеру, тихой сапой в Москве строится очередной Ельцин-центр, помимо тех двух, что уже работают на ниве «просвещения» молодёжи. Делают из неё зомби. С Запада всё сильнее веет гнилым запахом стяжательства и жадности обладания. Идёт война с русским языком. Вы просматриваете газеты?

– Регулярно.

– Практически во всех объявляются конкурсы, в том числе и очень полезные, но – на чужих языках! Обращали внимание? К примеру, в очередной раз в Казани прошли соревнования World Skills. Почему у нас этот мировой конкурс не назван по-русски?

Президент озадаченно вытер пальцы салфеткой.

– Не вижу подвоха...

– А напрасно. Вот вам ещё примеры: фестиваль брадобреев и тату-мастеров называется Barber Connect Russia и Russian Tattoo Expo. Почему нельзя было найти хороший русский перевод? Наш могучий язык вполне способен предложить любой вариант. И таких примеров я могу привести сотни!

– Это международные мероприятия...

– Да, но в нашей стране они проводятся для русских и русскоязычных людей! Почему ни в одной стране мира не слышно ни одного русского названия, даже если выступают русские творческие коллективы, тот же Большой театр или балет?

Юрий Филиппович криво улыбнулся:

– Честно, не задумывался.

– А мы регистрируем колоссальный поток иностранщины, нивелирующий родной язык. Другая отдельная тема – телевидение и Интернет, внёсшие в жизнь молодёжи тысячи тупых приколов, гэгов, ощущение вседозволенности и безответственности, утрату вкуса и способности различать добро и зло. Бороться с этим надо?

Юрий Филиппович оглядел внешне невозмутимое лицо собеседника, сказал с любопытством:

– «Прикрытие» создавалось для других целей.

Перекопов качнул головой:

– Время изменилось. Информационно-кибернетические войны стали страшнее горячих войн. Интернет изменил форму воздействия на молодёжь. Именно с его помощью за два года несистемная оппозиция шестнадцать раз выводила людей на улицы с целью расшатывания ситуации в стране. Пора браться за организаторов всерьёз, а не сажать их в СИЗО как алкашей.

– В смысле?

– Помните, как в своё время был убит Бандера? Вот и этих подонков надо мочить без суда и следствия!

Президент усмехнулся:

– Не слишком радикально?

– Мы готовы разработать план действий. Ещё раз предлагаю всех сотрудников ССО, принимавших участие в раскрытии заговора, отстранить от дел, а то и отправить в отставку под подписку о неразглашении государственной тайны.

– Но полковник Гаранин командует спецназом...

– Его отправить в отставку в первую очередь. Он работал с Лавецким три года, и веры к нему у меня нет, несмотря на позитивное разрешение конфликта. К тому же надо жёстко проверить их сведения о плане Даркмина, то есть Бильдербергского клуба.

– Интересно, с чего это господа магистры решили ускорить события в России?

– Значит, есть предпосылки, о которых мы не знаем.

– Контра. – Юрий Филиппович невесело улыбнулся. – Хорошо, Нил Петрович, займитесь этим делом, даю вам карт-бланш. С Феликсом и Маргеловым я поговорю, они должны быть в курсе, что мы включили «Прикрытие».

Президент имел в виду директора ФСБ Зорича, за глаза прозванного Феликсом за сходство с Дзержинским, и директора внешней разведки.

– Давайте оценим уровень угрозы. Самое главное – выяснить, чем я помешал Бильдербергскому клубу.

– Слушаюсь! – сказал глава «Прикрытия».

* * *

Министр иностранных дел Лихтенштейна, небольшого княжества на берегу Адриатического моря, претендующего тем не менее на титул «настоящего» государства, Маркус Ханс-

Адам Фрик, на самом деле был не человеком, а потомком рептилоидов с планеты Миррах, одной из звёзд созвездия Змееносца. Так как облик рептилоидов-миррахцев отличался от человеческого (у Фрика проявилось ороговение кожи на груди и на шее, во рту присутствовал двойной ряд зубов, длинная складка беззубого рта пересекала лицо почти от уха до уха), Маркус в присутственных местах пользовался голографической маской, чтобы не шокировать собеседников.

Кроме резиденции в Лихтенштейне, он имел ещё пару дворцов на побережье Адриатики, а также коттеджи и владения в Риме, Лондоне, в Монреале и Сочи. Кроме того, в распоряжении министра находилась самая большая и роскошная яхта в мире – «Палмер Аурум», длиной в двести тридцать метров, хотя владельцем яхты считался арабский шейх Халифа бен Саид ибн Мукузани. Кстати, куратор срединных подразделений Бильдербергского клуба от Египта до Индии. Сам же Маркус Фрик являлся главным куратором контроля Внедрения в человеческую цивилизацию принципов рептилоидной расы Миррах.

В час ночи он находился в своём подземном бункере класса «Аристократ», располагавшемся под дворцом правительства Лихтенштейна на глубине полусотни метров и связанного ветками скоростного подземного транспорта со всеми своими резиденциями и секретными базами на территории других стран.

Соединялись эти базы тоннелями, созданными ещё прежними земными цивилизациями, но в двадцатом веке приспособленными для нужд «мирового правительства», роль которого и играл Комитет 300, или Бильдербергский клуб.

Бункер Фрика, занявший опять-таки одну из подземных защитных цитаделей древних атлантов, был переоборудован в начале двадцать первого столетия и представлял собой трёх-уровневый каземат, включавший в комплекс оружейный терминал, системы фильтрации воздуха, сантехнические и антисептические системы, теплицу, небольшой ядерный реактор, питающий всё электрическое оборудование бункера, а также медиазал, плавательный бассейн, столовую, комнаты отдыха, кабинеты с компьютерным обеспечением и выходом на вай-фай и спальни. Расположиться в этом бункере в случае необходимости (конфликты, война, ядерная или биологическая атака) могли до полусотни человек.

Фрика, спавшего в самой большой и оборудованной чисто рептилоидными прибабамсами (кровать с вибромассажёром и матрасом, заполненным водой, ручки шкафчиков и сейфов с охлаждением, множество предметов быта, ёмкости для мазей и пузырьки со средствами для ухода за кожей, особые зубные щётки, успокоители и электрорелаксаторы), разбудил тихий скрежет коммуникатора.

– Экселенц, – прошелестел в ухе куратора бестелесный голос искина (искусственного интеллекта, играющего роль секретаря), – срочное сообщение из Штатов.

Фрик сделал жест пальцем, включая экран связи.

Экран вспыхнул бисером, протаял в глубину, в нём проявилось изображение полковника Эзры Хауса, заместителя главы ЦРУ, отвечающего за разведку Клуба.

Ветеран действий США в Сирии был немолод и похож на монстра, изувеченного падением в глубокое ущелье. От его улыбки всех знакомых полковника брала оторопь.

По расширившимся глазам Эзры Фрик понял, что он увидел его в естественном виде, таким, каким куратора родила земная женщина, но включать маскер не стал. Эзра уже видел его настоящим, как и остальные члены Большой Пятёрки; так называли принимающих решения магистров Клуба.

Полковник сделал паузу:

– Экселенц?

– Говорите, – сухо проскрипел Фрик. – Что стряслось?

Эзра улыбнулся, отчего его бугристое, покрытое бледными шрамами лицо стало не менее привлекательным, чем лицо куратора:

– Появились проблемы, сэр. Наши резиденты в России господа Подвальный, Зеленов и Лавецкий раскрыты, бункер связи Лавецкого захвачен, сам он убит. Необходимо принимать срочные меры для блокировки утечки информации.

Лицо Фрика сделалось костяным, рот вытянулся в одну линию, отчего куратор Внедрения стал похож на огромную лягушку.

– Мои информаторы... молчат...

– Значит, они либо нейтрализованы русскими спецслужбами, либо... – Хаус снова продемонстрировал «американскую» – на все тридцать два зуба – улыбку, – работают на них.

– Это... исключено!

– Действовать надо быстро.

Фрик натянул японский халат с лилиями, выщедил фужер шампанского (по утрам он нередко выпивал бутылку), зажевал ломтиком дуриана, не обращая внимания на запах фрукта.

– Что вы предлагаете?

– Уничтожить бункер связи Лавецкого и ликвидировать всех, кто был засвечен в нашей операции.

– С ликвидацией не всё так просто, да и блок связи нам необходим.

– Активируем ещё один, у нас их несколько. А по ветке Лавецкого русские вполне способны добраться до вашей резиденции.

Взгляд Фрика застыл. До него только сейчас дошёл масштаб провала.

– Хорошо, действуйте... своими силами. Как скоро сможете ликвидировать угрозу утечки?

– Мои люди могут взорвать бункер Лавецкого в любую минуту. Мы подстраховались заранее... на всякий случай.

– Действуйте, – повторил куратор Внедрения. – Я немедленно собираю совещание Большой Пятёрки.

– Я доложу о результате, – пообещал заместитель директора ЦРУ, и экран связи потемнел.

* * *

Совещания Большой Пятёрки нередко проходили в шикарных ресторанах Бильдерберга, Брюсселя, Лондона или Берлина, так как члены этой структуры любили комфорт (при соблюдении всех мер безопасности и скрытности) и умели наслаждаться кухней разных стран. Однако на сей раз ситуация требовала скорейшего анализа, и Фрик задействовал систему «облачной» онлайн-связи, позволявшую вести переговоры, не опасаясь перехвата.

Приглашение собраться застало четверых магистров из пяти в их владениях: в Европе была ночь, и они готовились ко сну.

Кардинал Доменико Пьяцци находился в Риме, советник премьер-министра Великобритании Лотингейл – в Лондоне, верховный магистр ордена «Череп и кости» Хасан Озокхан – в столице Турции Анкаре, глава Бильдербергского клуба Ульрих Ван-Янг – в поместье под Брюсселем. Эзра Хаус не спал, потому что в Америке ещё был день.

Современная техника связи позволяла создавать объёмные изображения абонентов, и в кабинете Фрика сидели как живые фигуры «надсмотрщиков» над миром, преисполненные важности и ответственности. Хотя Фрик знал, что при необходимости он легко заменит любого из них на деятеля из своего личного резерва; отморожков, считавших себя вершителями человеческих судеб, на Земле хватало.

– Господа, – сказал Фрик, накинувший ради совещания на себя нечто вроде судейской мантии и включив маскер, скрывший изъяны его рептилоидной внешности. – Нам снова объявлен серьёзный вызов, поставивший под угрозу проведение плана коррекции социума в Рос-

сии. Спецслужба, окопавшаяся в недрах Росгвардии, и служба безопасности президента раскрыли важнейший канал управления демократическими силами в стране и выявили наших резидентов. Нам удалось уничтожить узел связи с резидентом, но проблемы это не решает. Прошу тщательно взвесить последствия срыва операции и дать предложения по нормализации обстановки.

– Что тут взвешивать? – оскалился Эзра Хаус, показав крупные зубы. – Надо просто объявить президенту России ультиматум – жизнь или отставка, и на его место посадить своего ставленника, того же премьера.

По лицам остальных совещателей промелькнули не слишком добрые улыбки: полковник не пользовался ничьим уважением, будучи по происхождению плебеем, но с ним приходилось считаться, потому что он обладал большими возможностями влияния на оппонентов.

– Сделать это будет непросто, – сказал Пьянци, седой, осанистый, с породистым львиным лицом и манерами настоящего кардинала. – Смена президента в легитимном ключе займёт не один месяц.

– Зачем ждать? Наша команда в России провалилась, надо активировать спящую резидентуру, создать новую команду и замочить всех, кто нам мешает. А потом ликвидировать и президента.

Ответом горячему полковнику был обмен снисходительными улыбками.

– Нужна мощная информационная поддержка, – покачал головой Ульрих Ван-Янг. – Предлагаю поднять в России на дыбы пятую колонну, опереться на российских олигархов и объявить действия российского президента угрозой всему миру.

– Одно другому не мешает, – отрезал Эзра. – Зачистку организовать всё равно придётся.

– Надо обдумать кандидатуру главного резидента вместо выбывшего, – сказал Лотингейл, длиннолицый, с водянистыми рыбьими глазами. – В спящем резерве у нас там шесть человек, предлагаю выбрать моего агента.

– Пройдёмся по каждой кандидатуре, – решительно проговорил Озокхан. – У меня тоже есть предпочтения.

Турок считал себя красавцем и сердцеедом и тщательно ухаживал за кольцевой бородкой и причёской, что при его заметной лысине на макушке выглядело смешно.

– Хорошо, ваше предложение? – остановил на нём взгляд Фрик.

– Шубайц.

Присутствующие оживились. Фигура главы Нанокорпорации России считалась одиозной, так как в последнее время он выдал несколько неоднозначных заявлений, взбудоражив общественность и соцсети, хотя в начале девяностых годов двадцатого века принял такое деятельное участие в развале страны, что даже претендовал на должность главного могильщика России, доставшуюся в конце концов первому президенту России Ельцину. Но большая часть российских граждан считала Шубайца не героем, а преступником, которого нужно судить, поскольку его «реформы» стали самой большой аферой в истории человечества, в результате которой богатства огромной страны, созданные несколькими поколениями, были в один миг украдены, а сама Россия оказалась на грани уничтожения.

– Он скомпрометировал себя не один раз, – возразил Ульрих Ван-Янг. – Доверять ему нельзя. Пусть и дальше вызывает огонь на себя своими провокационными заявлениями.

Фрик перевёл взгляд немигающих глаз на него.

– Иной раз компрометация не мешает агенту делать работу. Все считают его болтуном и провокатором, не анализируя реальную деятельность. Кого предлагаете вы?

– Шугалова, конечно, первого вице-премьера. Ему всего полсотни лет. Очень энергичный функционер, сделал много полезного для нас. Курирует экономику, точнее, умело сдерживает её рост. Возглавил российский фонд федерального имущества, руководил аппаратом правительства при Ельцине, где заработал неплохой капитал.

– Но он провалил программу приватизации госкорпораций, – нахмурился Эзра.

– Это можно засчитать ему в плюс. Мы подсустились и поставили во главе самых крупных госструктур, таких как «Роснефть» и «Ростех», своих людей. Да что я вам рассказываю, вы и сами всё знаете.

– Однако ваша креатура тоже не без греха, – брюзгливо заметил Ван-Янг. – Он успел засветиться со своей оборотистой супругой в скандале с использованием суперджета для доставки собак на международные выставки. Имеет замок в Австрии, который не по карману рядовому чиновнику, роскошные апартаменты в элитном доме в центре Лондона, рядом со зданием парламента. Хоромы в так называемой сталинской высотке на Котельнической набережной, также приобретённые со скандальчиком. Усадьба в посёлке Заречье, рядом со Сколковом, не хуже, чем у нашего провалившегося резидента Лавецкого. Выстроена на базе отдыха широко известного в России секретаря ЦК КПСС Сулова. Двести миллионов долларов, семь с половиной гектаров роскошного парка. Не слишком ли вызывающе для нищего русского народа?

– Этим сейчас никого не удивишь, – буркнул Эзра. – Такие усадьбы имеют все «новые русские», могут назвать сотни имён.

– Тем не менее его недаром считают одним из творцов экономического кризиса в России. Главному резиденту следует вести себя скромнее и незаметнее.

– Ну, а ваша кандидатура скромнее?

– Уверен, что он является идеальной фигурой: советник президента по науке и внедрению западных стандартов образования господин Фурсенков.

Губы присутствующих изогнулись не то чтобы с издёвкой, но с неодобрением. Несмотря на то что Фурсенков вместе с ещё одним «оптимизатором образования», ставшим владыкой Сбербанка, практически убили классное (не без огрехов, но безусловно высокогуманное) советское образование введением ЕГЭ, этого функционера в среде магистров Бильдербергского клуба не уважали за подчёркнутое пренебрежение к ЛГБТ-сообществам, при том что он сам был приверженцем нетрадиционных сексуальных отношений.

– Даже обсуждать не хочу, – сказал Эзра. – Это далеко не идеальная фигура, к тому же не имеющая надлежащего доступа к государственным тайнам. А недавно он практически восстал против президента, заявив о реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований, чтобы распилить миллиарды фонда, выделяемые Минфином. Прекращение финансирования уже вызвало грандиозный скандал! Фурсенков себя засветил.

– Зато у него классные связи с другими фондами...

– Подождите, Ульрих, – перебил главного поводыря Клуба Фрик. – Давайте выслушаем остальных. Кардинал?

Глава римского католического дома расправил на груди белую, атласную, с позолотой, мантию.

– Фрейлихман.

Эзра Хаус поморщился, но промолчал.

Речь зашла о президенте Сбербанка России, получившем эту должность в заслуги перед правительством за участие в начале девяностых в развале страны.

– Умён, хитёр, нагл, исключительно креативен, – продолжил Пьяцци, не услышав от коллеги ни возражений, ни похвал в пользу его кандидатуры. – Близок к президенту, друг премьера, отличные связи. Умеет работать тихо и результативно. С первого раза его предложение приватизировать Сбербанк не получило одобрения общественности, он запустил его ещё несколько раз и практически близок к осуществлению замысла, что даёт нам дополнительный рычаг влияния на класс управленцев России. Имеет не одну базу, так сказать, если говорить о виллах и усадьбах, которые пока не засвечены, так как записаны на родственников друзей-олигархов.

Хаус не выдержал:

– Фрейлихман тоже последнее время не молчит. Пригрозил во всеуслышание «убить» в школах и вузах экзамены. Под предлогом, что их все боятся. Такое вслух говорить нельзя.

– Господин Озокхан?

– Ну... не знаю, – с сомнением произнёс турок. – Он безусловно умён...

– Я не спрашиваю ваше мнение о кандидатуре Доменика. Ваше предложение?

– Манкуртов, – вызывающе выпрямился Озокхан.

Присутствующие обменялись взглядами.

Манкуртов Эвелин Денисович был министром промышленности и торговли России и по данным соцпропов имел очень большой вес в правительстве, не уступающий даже политическому весу самого премьер-министра. В «спящего» он превратился ещё семь лет назад, проявив себя как полезный и грамотный лоббист либеральных идей, за что и был назначен главой Минпромторга. Оценщики Бильдербергского клуба обратили на него внимание не зря, и ещё в две тысячи пятнадцатом году этот лысоватый, но симпатичный господин с хриплым голосом пропойцы был запрограммирован во время отдыха в Неаполе и стал «спящим резервистом», претендующим на роль главного резидента. Поговаривали, что именно он посоветовал президенту Турции обратиться к России с просьбой продать зенитно-ракетную систему С-400. Однако мало кто знал, что работал Манкуртов не только на российский промышленно-финансовый комплекс, но и на турецкую разведку, главой которой и являлся Озокхан.

– Он исключительно перспективен, – добавил турок. – Возможно даже, что он станет очередным президентом России. Чего стоит только его последняя инициатива вывести пиво из категории алкогольных напитков. Нам дают в руки мощный инструмент для воздействия на народ России и превращения его в стадо!

– Но и Манкуртов тоже не избежал ошибок, – осторожно заметил Ван-Янг. – То и дело общественность будоражат его псевдобарские замашки. То он останавливается в люксовом отеле Шанхая, стоимость номера в котором за сутки – более двадцати двух тысяч долларов – превышает в два раза двухгодичную зарплату среднестатистического россиянина, то делает себе в офисной башне «Москва-Сити» персональный подъёмник стоимостью чуть ли не в десять миллионов долларов. Ведёт к этому лифту специальный подземный вход, к которому его подвозит служебный люксовый седан «Аурус». Мы в Европе ведём себя намного скромнее.

– Наглость и беспринципность – второе счастье, – изрёк Эзра Хаус со своей устрашающей улыбкой, – как говорят сами русские. Мне он тоже нравится. Пожалуй, я за него проголосую. А как он одевается – закачаешься! У него отменный вкус. Иногда я завидую его успеху у дам. Говорят, в Москве у Манкуртова свой подпольный развлекательный центр, где он встречается с девушками.

На губах членов Большой Пятёрки снова замелькали улыбки. Никто из них не запрещал себе жить красиво, не считая связи с женщинами или мужчинами предосудительными.

Фрик не разбирался в интонациях человеческих особей, да и к юмору относился специфически, считая его попытками спровоцировать неадекватную реакцию оппонента. Но к словам заместителя главы ЦРУ отнёсся с пониманием. Он знал, что Манкуртов, как и недавно получивший срок министр открытого правительства России Абызов, считался таким же любителем понтов и дорогих вещей, и гардеробная у него была покруче, нежели у широко известного российского шоумена и скандалиста Фила Киркорова. По заверениям экспертов и наблюдателей за поведением инциаторов беспорядков в России, Манкуртов с подчёркнутым пафосом носил дорогие костюмы от Бриони и Франческо Смальто (средняя стоимость около пятисот тысяч рублей), а на заседания правительства приходил с портфелем от Луи Вюиттон по цене небольшой однокомнатной квартиры где-нибудь в Германии.

Впрочем, для Фрика эти выбрыки министра не имели особого значения. Он считал, что у каждой человеческой особи есть свои тараканы в голове (как и у родичей-миррахцев), главное,

чтобы они исполняли возложенные на них обязанности и добивались цели. Для России эта цель звучала так: «реализация ползучей цветной революции с целью перехвата управления государством». Уже была известна примерная дата климатической катастрофы – две тысячи сороковой год, в результате которой на планете могла сохраниться только территория России, и надо было за оставшееся до Апокалипсиса время иметь этот плацдарм для выживания в своих руках.

– Итак, господа магистры, – сказал Фрик, – двое – за кандидатуру Манкуртова. Есть возражения?

– Он чересчур любит комфорт, – осуждающе сказал Пьящи.

– Вы против, Доменик?

Кардинал пожевал губами:

– Н-нет.

– Ульрих?

– Я – за.

– Итак, решено, проходит кандидатура министра промышленности и торговли Манкуртова. Эзра, начинайте активацию по своим каналам. Теперь о зачистке. Необходимо в скорейшем времени убрать всех свидетелей провала нашей резидентуры в России. В первую очередь тех, кто принимал непосредственное участие в захвате Лавецкого. Какие у нас для этого есть ресурсы?

– Под моим контролем находится с десятков спящих джамаатов на территории России, – сказал Озокхан. – Все они воевали в Ливии, Сирии и на Украине на стороне ИГИЛ и нацистских батальонов, хорошо подготовлены и ненавидят русских.

– Но развернуть их будет сложно, – сказал Ван-Янг. – Российские спецслужбы заточены на ликвидацию боевиков ИГИЛ. Потеряем бойцов.

– Их и потерять не жалко, – ухмыльнулся турок. – Наберём новые группы, расходного материала хватает. Зато при задержании они не выдадут наши истинные планы, русские будут считать их боевиками исламистов.

– Эзра?

– Идея неплохая, но у меня есть получше: частная военная компания. В России таких две – ЧВК Вагнера и ЧВК «Чёрный орёл». Создаётся ещё одна – «Белая ночь». Мы внедрили в командный состав отряда своих людей, они и смогут начать ликвидацию под благим лозунгом «борьбы с криминалом и коррупцией».

– Почему бы и нет? – проворчал Лотингейл, в ведении которого был информационно-пропагандистский пул Клуба, снабжающий все телеканалы и интернет-сети Запада дезинформацией о «злой России». Особенно хорошо структура Лотингейла проявила себя в деле с «отравлением Скрипалей», обвинив российские спецслужбы в нападении на семью предателя. И хотя впоследствии обвинение развалилось, будучи фейком изначально, простой народ Европы остался в уверенности, что Россия населена «секретными сотрудниками» спецслужб и террористами.

– Предлагаю подсоединить к операции наши силы, – добавил лорд. – Мы развернули в России правозащитный «Мемориал», связи которого тянутся к Администрации президента, и филиал РЭНД, неплохо устроившийся в Ельцин-центре.

Речь шла об американском стратегическом исследовательском институте, совместно с институтом Эйнштейна разрабатывающем схемы ненасильственных переворотов. Опирался центр на идеологию подкупа чиновников (в России это была поистине золотая жила), манипуляции сознанием обывателей, жаждущих «жить красиво», и на финансовое мошенничество.

– Мы подумаем, – пообещал Эзра.

– Тогда ещё один момент, – сказал Озокхан. – В нашем ведении находится деятельность «Мизантропик дивижн». Могу подключить к операции зачистки своих людей, входящих в состав организации.

Фрик помолчал.

«Мизантропик дивижн» был экстремистской организацией, запрещённой в России, а его боевики входили во все военные структуры Европы, в том числе – в добровольческий украинский полк «Азов», прославившийся насилием над гражданским населением Донбасса, пытками, грабежами и убийствами стариков и детей. Тем не менее эти отморозки служили хорошим прикрытием деятельности Бильдербергского клуба, и к их услугам можно было прибегнуть.

– Хорошо, – сказал наконец куратор Внедрения. – Подготовьте мне план зачистки. Действовать надо осторожно, но быстро и эффективно! Первыми должны исчезнуть все сотрудники Национальной гвардии России: полковник Гаранин, майор Барсов, лейтенант Яшутин. Они слишком много знают! Даю добро на любой экстрим!

Эзра Хаус плотоядно улыбнулся и потёр ладонь о ладонь.

Композиция 2. Адреналин

Россия, Москва

Он не смог спустить лифт в подземный бункер Лавецкого, оборудованный под станцию мини-метро. Причина была простой: взрыв повредил лифтовой механизм, обрушил стены шахты, и теперь спуститься туда, на стометровую глубину, можно было, лишь очистив ствол от обломков конструкции и породы. Но Барсов расстроился так, будто сам был виноват в случившемся.

Проводив президента и сделав несколько попыток реанимации подъёмника, он поднялся из подвала на первый этаж особняка и, встретив спешащего Гаранина, сказал мрачно:

– Там остались наши ребята...

– Надо было подстраховаться, – не менее мрачно отозвался полковник.

– Как?

– Надо было проверить бункер на предмет подрыва и лишь потом лезть вниз. Представляешь, что было бы, останься там президент хотя бы на минуту?

Барсов опустил голову.

Гаранин ощупал его фигуру глазами, помолчал.

Майор до попадания в группу особого назначения командовал спецотрядом быстрого реагирования «Рысь», принадлежавшим Силам специальных операций (руководил которыми Гаранин) и предназначенным для обеспечения общественной безопасности, охраны важных государственных объектов, а также для обнаружения и задержания террористов и членов бандформирований. За год службы в Росгвардии он проявил себя отличным командиром. Но попал в ряды спецназа, можно сказать, случайно. С детства Вениамин занимался единоборствами, стал чемпионом Владивостокского университета (учился на юрфаке), потом чемпионом города по боевому самбо, его заметили в краевом СОБРе и предложили пойти к ним на «адреналиновую службу». Будучи молодым и сильным, Барсов согласился и после окончания университета стал спецназовцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.